
НОВЕСТИ

ГДЕ НАХОДИТСЯ КРАЙ СВЕТА

*Спасибо за то, что ты
была. Спасибо за все, что
дала мне, чему научила.
Я в неоплатном долгу перед
тобой, и смогу вернуть его
только став такой же
бабушкой, какой была ты.*

Глава первая

КУЗЯ

— И вот в эту-то пал-л-леоз-з-зойс-скую эр-р-ру и появились мол-л-лю-у-уски-и-и...

Голос учительницы естествознания был противным и скрипучим, каждый звук она выговаривала будто утраивая, видимо, надеясь хоть так донести до нерадивых гимназисток негаснущий свет знаний. Машка откровенно скучала: дерущиеся за окном воробьи были куда интереснее.

— Кузьмина, встаньте!

Она испуганно подскочила, оторванная от созерцания.

— Будете стоять до конца урока! — рявкнула менторша.

— Да, — обреченно кивнула преступница.

— Опять Кузю наказали, — захихикали девочки.

Машка, или, как ее называли в классе, Кузья, учиться не любила.

Дома находиться тоже было истинным наказанием. А вот дорога из гимназии домой — это да! В мире и стране наступа-

ли грандиозные перемены, и на жизни сибирского городка это тоже сказывалось. Десятилетняя девочка была еще не в состоянии оценить вселенских масштабов катастрофы, серьезности чудовищной ломки всего общественного уклада, ей просто были интересны новые вывески: «Общество „Безбожникъ“», «Императорское Человеколюбивое общество», появившиеся во множестве представители обществ этих самых, собирающие пожертвования «на нужды войны». Накануне Пасхи Кузя и ее задушевная подруга Анечка Белкина тоже пожертвовали какую-никакую копеечку: уж больно развеселил их призыв «Солдатам в окопы на красное яичко!». Правда, за неуместное, по мнению гимназического начальства, веселье барышни снова были наказаны.

И никогда раньше она не видела такого количества солдат — ни своих, ни чужеземных, часто военнопленных.

Бабушка солдат не любит и боится. У них во флигеле живут двое — из расквартированного полка. Когда они напиваются, рвутся в дом — поговорить по душам очень хочется. А дома внучки — девочки-подростки. Вот Петро — мордастый хлопец — и просится:

— Евдокия Матвеевна, дай на внучек твоих хоть поглядеть, своих деток вспомнить, соскучился — спасу нет!

— Иди, Петя, иди спать, сынок, утром увидишь! Нечего тебе там делать!

Огорченный Петро неохотно уходит, а бабушка облегченно крестится.

Евдокия происходила из купеческого сословия. Отец ее, приписанный ко второй гильдии, человек добрейший и чрезвычайно доверчивый, разорился по причине именно этих душевных качеств, но выучить детей в приличных гимназиях успел. Потому, хоть и работала Дуня на железнодорожной станции обычной телеграфисткой, была женщиной грамотной и достаточно образованной. Замуж она вышла тоже за железнодорожника, а потом и сын, Василий, покладистостью и добротой уродившийся в деда, пополнил династию, стал машинистом. Чудо что за парень! И собой хорош, и умен, и воспитан, и на все руки мастер, по дому помочь попросишь — никогда не откажет. Родители уж и невесту ему присмотрели, соседскую девушку, ладную да скромную. Вот тут-то покладистый Васенька вдруг заартачился: мол, всем хо-

роша невеста ваша, да душа не лежит у меня к ней. На вопрос, к кому же лежит, только улыбнулся, туманно как-то, нездешне... А через месяц сошел с поезда с прелестной барышней — светло-волосой, кудрявой, голубоглазой, в изящной шляпке и модном платье, нежно поправил ей шарфик и повел знакомить с родителями.

— Мама, папа, это Тоня, моя невеста, она из Харькова.

— Антонина! — кокетливо, но твердо поправила девушка и скользнула оценивающим взглядом по будущим свекрам.

— Ну что ж, Тоня, милости просим! — улыбнулась Евдокия. — У нас тут по-простому.

— Ан-то-ни-на! — с нажимом и по слогам произнесла сыновья избранница.

— Ах, Антонииннааа! — иронично протянул отец. — Ну, Антонина так Антонина, имя красивое... Не из дворян ли будете, барышня? — не сдержался все же!

— Из мещан! — девушка вспыхнула и заносчиво вздернула подбородок.

— Ну, раз такое дело, пойдете!

Мать тихо вздохнула, посмотрела на насупившегося мужа, и они пошли к дому.

— Коля, ну что? Как тебе невестка? — робко спросила она поздно вечером, уже перед сном.

— Невестка... финтифлюшка она! Намучается с ней наш Вася, вот увидишь! — Николай Андреевич в сердцах махнул рукой и отвернулся к стене.

Антонина оказалась особой вздорной и эгоистичной, но Василий был так влюблен, что весь необъятный букет ее недостатков казался ему чудесным соцветием сплошных достоинств и неординарности.

Рождение старшей дочери, Верочки, поначалу вроде как направило легкомысленную молодую женщину на путь истинный, она истово предалась родительским обязанностям. Инстинкта хватило ненадолго, и, не успели Кузьмины облегченно вздохнуть, девочка была передана свекрам. Правда, так и осталась материнской любимицей.

Елена и Мария, последовавшие за старшей сестрой, такого бурного всплеска материнских чувств уже не вызвали, а на то, чтобы дать имя младшей, четвертой наследнице, у Антонины и фантазии не хватило.

— Тонечка, а может, в твою честь — Антониной? — робко предложил Василий.

— Ну давай, — равнодушно пожала плечами жена. — Но запомни: эта — последняя!

— Последняя, конечно, последняя, — торопливо согласился он.

— И Ниной называть будем! — нахмурилась роженица. — Чтобы нас не путали.

Равнодушие матери к дочерям полностью компенсировали отец и его родители. Мужчины девочек баловали, а бабушка воспитывала, учила домоводству, чтению. Вот уж где был подлинный педагогический талант! Стоя у печи, она помешивала кашу и читала нараспев:

У купца у Семипалова
Живут люди не говеючи,
Льют на кашу масло постное
Словно воду, не жалеючи.
В праздник — жирная баранина,
Пар над щами тучей носится,
В пол-обеда распояшутся —
Вон из тела душа просится!

Внучки-малоежки под это чтение исходили слюной, аппетит просыпался и разгуливался. А после обеда возникало желание самим познакомиться с творчеством Некрасова (Пушкина, Лермонтова и многих-многих из тех, чьи стихи Евдокия Матвеевна знала наизусть — в прежних гимназиях умели учить!).

Сказка на ночь была обязательным ритуалом. Девочки затихали, каждая в своей кровати, а бабушка садилась возле одной из них и тихо, но очень выразительно, в лицах, начинала свое повествование.

— И отправилась дочь купеческая за своим суженым далеко-далеко, на самый край света...

— Бабушка, а где это — край света? — Машке непременно нужно было знать все, проникнуть в самую суть.

— Это такое место, о котором никто даже слыхом не слыхивал, туда нужно долго-долго ехать на поезде, а потом идти, а потом снова ехать. Поняла?

— Да, но где это?

— Если ты когда-нибудь там окажешься, обязательно поймаешь. Так мы край света искать будем или сказку слушать?

— Сказку, сказку! — горячо потребовали девочки.

Машкой ее называл дед, и не было в этом ничего пренебрежительно-простонародного, а было родное, семейное, настоящее. Мать кривилась: «Машка! Как корова!» И хохотала, довольная собственной шуткой. Сама же девочка именно тогда тихо возненавидела свое имя.

— Не слушай никого, нет имени красивее, чем твое. Марией саму Богородицу звали! — бабушка ласково гладила ее по голове, и обида уходила, забивалась куда-то в глубину.

Антонина, похоже, ревновала, пыталась всячески задеть дочерей. Говорил ли ее необузданный эгоизм, поднимало ли ей это самооценку? Кто знает...

К учебе внучек Николай и Евдокия относились со всей серьезностью, были строги и требовательны. Маман злилась:

— Кому это нужно?! Вырастут — и замуж! Меня вон вообще из гимназии выгнали, и что?! Сами видите: у меня здесь (она победно похлопала по роскошным кудрям) кое-что есть!

— Дааа, — протянул Николай Андреевич, — ума палата!

— Мама, а за что тебя выгнали из гимназии? — поинтересовалась любопытная Машка.

— За тихие успехи и громкое поведение! Ха-ха-ха-ха-ха!

— А что такое тихие успехи и как это — громкое поведение? — вдумчиво продолжила расспрос дочь.

Тут мать просто упала в кресло в приступе хохота. Дед было вскинулся, да бабушка умоляюще прижала палец к губам: молчи, Коленька, молчи, не буди лихо!

Первое любовное признание Машка получила лет в девять. Соседский мальчик, ранее безжалостно дергавший ее за косички и устраивавший более изощренные пакости, подбежал на улице, молча сунул букет васильков и, покраснев, убежал. Она пришла домой, тихо сияя.

— Мама, а я красивая?

— Кто? Ты?! Ой, не могу! Уши — вареники, нос-вздрычок, глазки змеиные! Ты в зеркало на себя посмотри!

Бабушка утешала рыдающую внучку:

— Ты у нас красавица, Машуня! Вырастешь — и влюбишься в тебя прекрасный юноша, и увезет далеко-далеко...

— На край света?
— Именно туда. И будете вы жить долго и счастливо.
— Тридцать лет и три года?
— Тридцать лет и три года. А может, и больше.
— Ты правда думаешь, что я красивая? — доверчиво прошептала Машка.

— Вы все красивые, девочки мои золотые. А Антонина... злая она, потому что любви в ней нет, не умеет она любить. Не сердись, просто пожалей ее.

— Но Веру она ведь любит! А нас с Лелей и Ниной нет!

— Верочка просто похожа на нее больше всех. Ты поверь, Машенька: скупцу хуже, чем тем, кому он не дает, это изнутри ест.

— Бабушка, а Бог есть?

— Бог в душе у каждого, детка.

— Тогда почему одних он делает добрыми, а других злыми? Почему есть хорошее и плохое?

— А как бы ты узнала, что человек добрый, если бы не видела злых? — хитро улыбнулась Евдокия. — Рано тебе еще об этом, всему свое время, давай-ка лучше книжку читаем...

Она тогда многого не поняла, скорее, почувствовала, о чем говорила бабушка, и успокоилась. Но веру в свою привлекательность потеряла надолго.

Судя по веселым голосам, разносящимся из гостиной, в гостях у матушки была подруга Женечка, кокетливая старая дева. В юности она пережила несчастную любовь с непременными надрывом, коварством и обманом, после которой глубоко разочаровалась во всех лицах мужеска полу, а когда боль разочарования отпустила, свободных лиц не осталось, всех разобрали. И тут, на Женино счастье, познакомилась она со Стефаном Шрейгером, австрийским военнопленным, и преисполнилась жалости, увидев, в каких условиях содержится бедный юноша. И, конечно, принялась его опекать: то посылочку передаст, то деньжат подкинет. Правда, материнские чувства очень скоро трансформировались в иные, не менее нежные. Добрая фея частенько посещала своего подопечного в лагере для военнопленных, а когда его отпускали, и у себя принимала. Она просила почаще писать ей, ибо очень волновалась, зная о скудном пайке и спартанских условиях содержания. К тому же, это было так романтично — хранить в пер-

ламутровой шкатулке стопку писем, перевязанную розовой атласной лентой!

— Тоня, ты только послушай это послание: «Дорогой мадам Евгения...»

— Ой, уморила! Дорогой мадам Евгения! Ну, Стефан!

— Ну хватит тебе! Видишь же, человек старается, по-русски пишет! Слушай дальше... «Дорогой мадам Евгения! Душевно Вам признателен за бандероль, в который были горячие носки и перчатки, что Вы вязали вашими прекрасными руками. Также я очень обрадовался цукеру и конфетам. Нас кормят хорошо: сегодня на обед давали зуп гороховый и звеклу душеную...»

— Все, все, пощади, не могу больше! — Антонина попеременно то всплескивала ухоженными ручками, то вытирала слезы, выступившие от безудержного смеха. — Горячие носки!.. Это же надо! Зуп гороховый, звекла душенная! Это, надо понимать, свекла тушенная? Ты бы своего Шрейгера хоть подучила!

— Между прочим, он фон Шрейгер на самом деле! Аристократ! — обиделась Женечка. — Ты бы по-немецки и так не написала!

— Все, все, не сердись! Лучше вот послушай, что мне Алексей Игнатьевич прислал: «Душевный друг мой Антонина Семеновна! Невозможно боле терпеть эти мучения. Ваза разбита, двери Вашего дома для меня навсегда закрыты».

Хозяин галантерейного магазина, видимо, решил на столь кардинальные меры после того, как в разгар его пылких признаний в комнату вошел Николай Андреевич и, недолго думая, схватил невесткиного ухажера за шиворот и выкинул вон. После чего брезгливо отряхнул руки и в сердцах плюнул: «Шельма кудлатая! Бедный Васька!» Машке сии пикантные подробности были неведомы, и подслушанная фраза произвела на нее неизгладимое впечатление. Но далее шпионить было опасно, да и бабушка ждала к обеду.

Как всякая уважающая себя уездная барышня, Кузя завела альбом, куда записывались особо любившиеся стихи, слова песен и изречения. Туда же был торжественно внесен шедевр о разбитой вазе. Но когда она решила поделиться своими духовными сокровищами с бабушкой, та скривилась:

— Деточка, да такое же только солдаты кухаркам пишут!

— А пожарники?

— Что пожарники?

— Что пожарники пишут кухаркам?

— А это уж ты сама спроси! — засмеялась бабушка.

Машкин интерес был вполне обоснованным. Дело в том, что воздыхателем их кухарки Анисьи был настоящий пожарный. Сама Анисья была толстой, ленивой деревенской девахой. Толку с нее в хозяйстве было мало, ущерба гораздо больше. Засыпала она на ходу. Но не увольняли, держали из жалости.

Однажды бабушка испекла пирог, оставила его на столе, накрыв полотенцем, и отправилась с мужем и внуками за покупками. Василий был на работе, Антонина укатила к родным в Харьков. Когда они вернулись и начали стучать, а затем и кричать, дом ответил полным безмолвием. Ничего не добившись, дед кинулся в сарай за топором и начал выламывать дверь. После первых трех ударов раздался странный звук — будто упало что-то очень тяжелое — и испуганный голос:

— Где я? Кто вы?!

Оказалось, Анисья полезла за чем-то в чулан да прямо там, на верхней полке, и уснула. Вернувшиеся хозяева не только разбудили, но и испугали суеверную девушку так, что она в ужасе свалилась со своего лежбища. Именно звук падающего кухаркина тела и разлетевшейся утвари был слышен за выламываемой дверью.

Войдя на кухню, бабушка с изумлением обнаружила, что от пирога осталось меньше трети.

— Анисья, голубушка, а где же пирог-то?!

— Так это... Евдокия Матвеевна... — тут глаза ее страш-но округлились. — Собралась я посуду помыть, а тут... рыжий кот, как ероплан!

— И что, большой кот был? — поджала губы хозяйка.

— Огромный! Вот такой! — девица убедительно развела руки, обозначая величину воруги.

— И сам почти весь пирог сожрал?

— Сам! Вот ей-богу! — и Анисья истово перекрестилась.

— Так это ты со страху на полку в чулан забралась? Думала, коту пирога не хватит? — подначил дед.

— Злой вы, Николай Андреич! — надулась Анисья. Очередной повод избежать работы по дому был найден.

— Ох, девка, вековать тебе век одной, — вздыхала бабушка. — Кому ж такая неумеха да распустеха нужна будет?

Анисья в ответ только обиженно сопела. Потому, когда появился ухажер — бравый пожарник, сердце кухарки преисполнилось гордости. В воскресенье он заходил за своей зазновой, облаченный в парадную форму, и они шли гулять, важно вышагивая по аллеям городского сада.

Уничтожение очередного пирога влюбленная домработница объяснила уже более реалистично:

— А мы тут это... с Ниночкой... шчыпали, шчыпали помаленьку, он и закончился...

— Надо же, какой аппетит у нашей младшенькой! — покачал головой Николай Андреевич. За окном мелькнула пожарная каска.

А отношения между родителями становились все хуже. Антонина вполне откровенно привечала поклонников, сетуя на свою глупость в юности: могла бы подыскать партию получше, такому бриллианту и оправка хорошая требуется, прав начальник почты Михаил Николаич! Василий не скандалил, он, похоже, и не умел этого делать. Просто становился все мрачнее, все больше замыкался в себе.

— Развелся б ты с ней, сынок! Один черт: жена — не жена, мать никудышная! А ты молодой еще, найдешь себе хорошую женщину! — уговаривал дед, уже не стесняясь девочек.

Вася в ответ только грустно улыбался.

Машке было одиннадцать, когда отец погиб. Что называется, на боевом посту — попал под поезд. Только вот мало кто в семье поверил в случайность этой смерти — родители были уверены, что не было у Васеньки больше ни сил, ни желания оставаться на этом свете. И сами начали быстро сдавать. Всего на год пережил сына Николай Андреевич. Бабушка после этого как-то совсем потерялась, сжалась, стала ко всему равнодушной, ушла из нее радость жизни, не было уже той деятельной, энергичной Евдокии.

Управление Транссиба выделило семье погибшего железнодорожника огромный двухэтажный дом в Новониколаевске (прежнее название Новосибирска), где Антонина развернулась вовсю, почувствовав себя хозяйкой. Для начала выселила свекровь во флигель. Та не возражала, ей было все равно, где существовать без Васи и Коли. Внучки попробовали заступиться,

но она их остановила: не надо, мол, мне так даже лучше. Машка по собственной инициативе переселилась к бабушке, мать лишь облегченно вздохнула. Впрочем, пенсию за потерю кормильца она и без того тратила почти исключительно на себя и новые привязанности.

Шла Гражданская война. Прежней, пусть не роскошной, но сытой жизни, когда к каждому празднику покупались новые платья и готовился стол с разносолами, наступил конец. Гимназию пришлось оставить, Анисью рассчитали. Бабушка качала головой: «От нечистого все это! Не будет добра!» Однажды, вернувшись из церкви с помертвевшим лицом, тяжело опустилась на стул и заплакала. Кузя тогда подхватила простуду и несколько дней не выходила из дома.

— Бабуленька, милая, что? Ну не плачь, родная, папе с дедушкой там сейчас хорошо!

— Я не о том, — покачала головой Евдокия. — Царя убили. И всю его семью. И цесаревича, — она глухо зарыдала. — Ироды, больного ребенка! Его же дядька во время расстрела на руках держал! Дитяtko слабенькое, он ведь и так долго не протянул бы... Ничего, ничего святого!

У Машки все похолодело внутри. Как же так? Царевич Алексей, ребенок-ангел, такой добрый и чистый, любящий свой народ, с красивым, открытым, ясным лицом... И царь с царицей... И их дочери... Значит, во множестве расклеенные на заборах фотографии с повешенными женщинами и убитыми детьми, подписанные лаконично — «Зверства красных», — правда?! А тот же Петруха говорил, что новая власть будет справедливой, что она просто за то, чтобы не было бедных и богатых, чтобы все сыты были. Кстати, после ухода солдат бесследно исчезли иконы в серебряных окладах, где на святых были серебряные же ризы, украшенные натуральным жемчугом — наследство прадеда-купца. Что же теперь будет? Она даже не заметила, что произнесла последний вопрос вслух.

— Хаос, Машенька, такой хаос будет...

Хаос и был, и начался он в их же доме. Безутешная вдова привела нового мужа. Приказчик Леонтий Силыч был маленьким, лысым, потным человечком с крошечными глазками-буравчиками и брюшком. Даже играть в доброго папу он не пытался: сразу

же взял в руки домашнюю бухгалтерию и начал ежедневно напоминать о непосильном ярме в виде четырех «здоровенных девах, от которых никакого толку», только объедающих их с Тонечкой. Новому хозяину не составило большого труда убедить Антонину избавиться еще от одного груза, и совсем ослабевшую, равнодушную ко всему Евдокию Матвеевну сдали в больницу для хроников.

Первой не выдержала Вера — вышла замуж. Евгений Александрович Дружинин был намного старше и весьма трепетно относился к юности и красоте своей избранницы, обещая обеспечить ее всем мыслимым и немыслимым, помочь выучиться и сделать карьеру. В тот момент ей было не до романтических мечтаний, надо было бежать, бежать из ставшего ненавистным дома, от мерзкого липкого отчима, от ослепленной новой любовью и от того еще более равнодушно-жестокой матери, от этой кабальной зависимости. И неравный брак состоялся. Ни о какой учебе впоследствии и речи не было: Верочка родила дочь и до конца своей долгой жизни погрузилась в рутину домашнего хозяйства. Она, закончившая гимназию с серебряной медалью, так и не смогла реализовать своих знаний и старательности, несмотря на то, что и в 92 года читала правнучке стихи по-французски. Наизусть.

У четырнадцатилетней Машки тоже появился воздыхатель — сын истопника Феденька, щеголь семнадцати лет от роду. Он носил лаковые штiblеты и претенциозно именовал себя Ферри, почти как у Маяковского:

Он был
монтером Ваней,
но...
в духе парижан,
себе
присвоил званье:
«электротехник Жан».

Ферри заваливал возлюбленную жаркими письмами, самое впечатляющее из которых заканчивалось словами: «И если Вы, Мари, не ответите на мои чувства и не станете моей, тады каюк и лапти кверху!» Мари не ответила, но лапти, как ни странно, остались на месте.

Они с Еленой пытались иногда подработать где получится, чтобы хоть как-то обеспечить себя и бабушку. Тяжелее всех приходилось младшей, Нине. Над ней отчим просто издевался, видимо, осозная, что этот груз придется тащить еще долго. Когда девочка переболела тифом, Леонтий Силыч вслух искренне сожалел, что она выжила. Тарелку Нины он посыпал золой (эдакий вид дезинфекции) и брезгливо ставил на пол — есть за одним столом с барами прокаженная теперь не смела. Мать не заступалась, во всем поддерживая мужа. Знать бы тогда заносчивой харьковчанке, что несколько десятилетий спустя именно в московской квартире нелюбимой младшей дочери доведется ей доживать свои дни!..

Одинокая фигурка девочки-подростка со скорбно опущенными плечами стояла в осеннем больничном дворике. Она даже не пыталась вытирать слезы. Бабушка, самая родная, самая близкая... На кого же ты меня оставила?! Я ведь теперь одна, совсем одна во всем мире! Никто и никогда не будет меня больше так любить!

— Я тебе обещаю, — прошептала она, — я клянусь: когда-нибудь я стану такой же бабушкой, как ты!

— Пойдем, Маруся, — Леля мягко потянула сестру за руку. — До этого еще далеко. Бабулю похороним и будем собираться.

Машка с Еленой давно подумывали о переезде в более благополучный в то время Иркутск, куда их звала гимназическая подруга Лели, да не могли оставить бабушку. Теперь же ничто более не сдерживало — полная свобода. Свобода. И пустота. Боже, какая пустота!

Кузя поняла, что детство закончилось.

Глава вторая

ЕЕ УНИВЕРСИТЕТЫ

Иркутск встретил девушек доброжелательно. Он разрастался, жил, ничто не напоминало о только что прогремевшей гражданской войне. Недавно введенный НЭП решил продовольственную проблему, обеспечил рабочими местами тысячи горожан. Во множестве появились магазины, разнообразные лавочки, рестораны. Сестры с восторгом и недоверием взирали на витрины, изобилующие розовыми истекающими окороками, разнообразными колбасами, сырами со слезой и без, винами и многим еще, о чем пришлось, казалось, безвозвратно забыть. Они сняли квартиру недалеко от центра и преисполнились самых радужных надежд.

Люди так называемых свободных профессий наводняли улицы, придавая неповторимый колорит городу и эпохе. Цыганки и фокусники, ремесленники и коробейники, акробаты и старьевщики входили во дворы с призывами воспользоваться именно их услугами. Диапазон рекламы распространялся от простеньких «Пясть, лудить!», «Сапоги починяю!» и прочих до подлинных шедевров поэзии: «Спички шведские, головки советские! Пять минут вонь, а потом огонь!».

Что это было за время! Сколько лет они будут вспоминать его как самое счастливое и беззаботное!

Карьеру свою Машка и Анечка, еще раньше перебравшаяся сюда с родителями, начали с кондитерской «Вольф и Ко» — совершенно сказочного царства сладостей с какими-то фантастически нежными, воздушными, свежайшими пирожными, конфетами, пирогами с самыми невероятными начинками, только из печи, разнообразнейшими шоколадными шедеврами. Девочки слатывали слюну, а хозяин ласково улыбался:

— Кушайте, барышни, кушайте!

И барышни, смущенно переглянувшись, начали «кушать». Кулинарная вакханалия продолжалась неделю, по истечении которой они не то чтобы в рот что-то из ассортимента взять — смотреть на все это великолепии не могли — оно превратилось в обычный производственный инструмент. Методика старого нэпмана сработала безупречно.

Подруги почувствовали себя богачками: хватало не только на жилье и еду, но и на то, чтобы щегольски приодеться и даже

раз в неделю сходить в синематограф или в театр. Особенно им полюбилась оперетта, старались не пропускать ни одной премьеры, а многие арии знали наизусть.

Появились и серьезные поклонники. Машка все еще находилась во власти комплексов, любовно посеянных матушкой, — считала себя некрасивой и тщательно прикрывала волосами «уши-вареники». Она смотрелась в зеркало — катастрофа! Совсем, совсем ничего от роковой красавицы, такой, как их кумир Вера Холодная! Однако обилие ухажеров медленно, но верно делало свое дело, убеждая, что она прехорошенькая.

Кондитерская быстро надоела, и Маруся, как ее все чаще стали называть, устроилась учетчицей в контору неподалеку. За соседним столом сидел счетовод Жорж — молодой человек с напомаженными усиками и жиденькими черными волосами, разделенными прямым пробором — ну чисто приказчик! «Так, Ферри у нас уже был, теперь вот и Жорж», — мысленно сыронизировала Машка. И как в воду глядела! «Стрела Амура поразила меня в самое сердце, как только Вы вошли!» Подобные записки она теперь находила каждый день — на столе, в кармане пальто, раскрыв конторскую книгу. Часто это были открытки с ангелочками, трогательными румяными девочками, сердечками и голубками. «Змеевидной!», «Ангел мой, люблю безумно!» — отчаянно вопили подписи на них, сделанные счетоводческой рукой. Ухаживания раздражали и смешили, но в ресторан сходить Жорж ее уговорил. Заведение было весьма помпезным, плюшево-золотым. На сцене перезрелая ярко накрашенная брюнетка с трагическим взглядом надрывно пела:

В ранний час так пусто в кабачке,
Ржавый крюк в дощатом потолке,
Вижу трю-у-уп-п на шелковом шнулке.
Разве в том была моя вина,
Что цвела пьянящая весна,
Что с другим стояла у окна?..

— Мне нужно выйти ненадолго, — шепнула Машка, неторопливо прошествовала к дамской комнате, а уж оттуда припустила во весь дух.

Счетовод возроптал и на следующий день лишь сухо ей поклонился. А вскоре Маруся и вовсе уволилась из конторы — удалось устроиться в редакцию газеты на сортировку писем.

Леля к тому времени вышла замуж. Человек азартный и увлекающийся, страстный игрок и коллекционер живописи, блестящий и щедрый кавалер, Виталий Иванович Петров очаровал ее в два счета и увез на золотые прииски в Бодайбо, где делал стремительную карьеру. Машка осталась одна.

У них с Анечкой появилось новое увлечение — тир, причем Кузя оказалась отменным стрелком. Когда барышни отправлялись пострелять, за ними неслась ватага мальчишек, радостно вопя: «Сорок первый пошел!» Тогда на экраны только-только вышел фильм по повести Бориса Лавренева, и сравнение с героиней, ее тезкой к тому же, девушке льстило. В тире она важно натягивала лайковые перчатки, неторопливо подходила к стойке, брала винтовку, целилась... Снисходительные улыбки присутствующих мужчин сменялись непрременной бурей оваций.

Журналист Лазарев, с которым они познакомились в редакции, изъяснялся не столь метафорично, как Ферри и Жорж, но атаковать начал стремительно. Он был образован, остроумен, с ним было о чем поговорить, но ничего похожего на романтическое влечение Машка не испытывала. Он же уже через неделю сделал предложение. Она отказала. И во второй раз. И в третий. Лазарев перешел к шантажу: «Если вы не выйдете за меня замуж, я брошусь под трамвай!» И тут в Марусе проснулась строптивая маман:

— Убирайтесь прочь! Замуж?! Да я вас видеть не могу! — она визжала и топала ногами, не узнавая себя. Лазарев ретировался моментально. Но у двери, надевая свою неизменную кепочку, ележно улыбнулся:

— До свидания, ангел мой, я приду завтра!

— Ненавижу! — она запустила в него тупфлей, та глухо шлепнулась об уже захлопнувшуюся дверь.

Наутро по выходе из дому взгляду ее предстала чудная сцена. По двору на велосипеде раскатывал Лазарев. Из кармана его пиджака торчал крошечный изящный букет ландышей, а на плече... на плече восседал внушительных размеров кот. Причем был он спокоен как сфинкс.

— Доброе утро, Марусенька!

Она промолчала, изо всех сил сдерживая улыбку и пытаясь сохранить строго-неприступное выражение лица.

— Абзац, поздоровайся с девушкой! — и хозяин протянул коту букетик. Тот осторожно взял зубами цветы, мягко спрыгнул на землю, подошел к Марусе, положил ландыши к ее ногам и коротко мявкнул. Она не выдержала и расхохоталась.

— Спасибо, Абзац! И кто тебе дал такое странное имя?

— Хозяин-журналист. Чего от него еще ждать? — Лазарев развел руками.

— Вы уверены, что занимаетесь своим делом? Вам бы в дрессировщики!

— Талантливый человек и совмещать может, — скромно ответил укротитель.

Несложно представить, какими упорством, терпением и целеустремленностью должен обладать человек, способный так выдрессировать кота — одно из самых свободолюбивых животных. И неприступная избранница в конце концов сдалась.

Можно ли назвать счастливым брак, в котором один довольствуется радостью обладания любимой женщиной, другая относится к нему то ли как неизбежному злу, то ли как к союзу единомышленников? Так или иначе, альянс этот просуществовал несколько лет и имел несомненные плюсы. Прежде всего, Лазарев настоял на том, чтобы жена начала писать хотя бы небольшие заметки, помогал, редактировал. Он ввел ее в круг интереснейших людей — молодых, ярких, творческих. И со всем этим можно было бы прекрасно жить, но ночи... Их она ждала с ужасом, заранее просчитывая возможности избежать постылой близости. И все думала, думала, когда же оно стерпится-слюбится...

Через два года супруга перевели в самарскую газету, и молодые уехали из Сибири.

Это было чудесное время — интересное, яркое, насыщенное событиями. Пара быстро обросла новыми знакомыми и приятелями, в основном коллегами-журналистами и их семьями, с которыми часто проводила выходные. После нехитрого угощения играли в буриме, фанты, читали стихи, устраивали поэтические дуэли и импровизированные мини-спектакли. Полноправным участником всех журфиксов был и привезенный из Иркутска Абзац. Если приемный день был в другом доме, он прибывал

в гости традиционно — на хозяйском плече. Полосатого аристократа в самарском обществе уже знали, любили, уважали и даже предоставляли место за общим столом: ему ставили отдельный стул, на стул — маленькую скамеечку, выделяли персональную тарелку и отрезали кусочек пирога, который почетный гость очень аккуратно и деликатно съедал. Потом начиналась развлекательная программа, и гвоздем ее, конечно же, был удивительный кот, демонстрировавший чудеса ловкости и сообразительности. Хозяин командовал: «Абзац, умри!» — кот театрально падал на спину, вытягивал задние лапы, передние складывал на груди, закрывал глаза и замирал. Так проходило несколько минут. Публика, затаив дыхание, наблюдала. Затем «покойный» открывал один глаз и вопросительно скашивал его на Лазарева. Тот едва заметно кивал, и усопший благополучно воскресал. Позабывшие об интеллектуальных развлечениях гости восторженно приветствовали звезду.

Но именно благодаря Абзацу Марии пришлось уйти из газеты.

Дело в том, что была у кота слабость: очень он любил выследить направляющегося в туалет человека, забраться на крышу и, когда глупое двуногое будет выходить, прыгнуть ему на голову. Сами понимаете, какое чувство юмора нужно иметь и насколько любить животных, чтобы простить такое! Так вот, редактор газеты не обладал ни тем ни другим.

Михаил Илларионович Сиделин со своим великим тезкой был схож только именем, но гордился этим безмерно. А после того, как остроумные сотрудники преподнесли шефу ко дню рождения копию картины Кившенко, планерки и не назывались иначе как «Совет в Филях». К тому же Сиделин обрел прозвище — Фельдмаршал. Он делал вид, что сердится, хмурился, но душу это согревало. Дело в том, что основной чертой руководителя газеты было неумное тщеславие. Гордыню свою он распределял умело. Так, бывая наездами на малой родине, никогда не забывал упомянуть, каких высот достиг, посетовать на то, как сложно управлять коллективом, большинство членов которого из ЭТИХ... Односельчане согласно кивали и гордились вышедшим в люди земляком. На ковре у начальства и среди коллег непременно кичился своим рабоче-крестьянским происхождением и с грехом пополам законченным рабфаком, опять же, горестно покачивал головой, рассуждая об ЭТИХ. ЭТИМИ были грамотные

журналисты, преимущественно потомственная интеллигенция, к которой он испытывал подлинно пролетарскую ненависть. Пытался, конечно, стать своим парнем, но получалось плохо. Нет, Михаила Илларионовича не гнали, вслух не высмеивали, но он постоянно комплексовал, ощущая себя инородным телом в среде блестящих интеллектуалов и остроумцев. Трудно было простить и то, что ЭТИМ принадлежало авторство лучших из статей, написанных его именем.

Маруся однажды попыталась деликатно поправить его, объяснив, как лучше построить фразу, на что Фельдмаршал, злобно зыркнув, ядовито процедил:

— Нас, Мария Васильевна, в гимназии при царе-батюшке не брали, с суконной-то рожей да в ваш калашный ряд!

Она поняла, что погорячилась.

С чувством юмора дела тоже обстояли не лучшим образом. Иногда Сиделин даже сам мог пошутить, хоть и не очень удачно, и сам же своей шутке расхохотаться. Изредка понимал чужие, но только когда они не касались его самого.

А еще редактор терпеть не мог животных...

И вот этот человек стал очередной жертвой четвероногого беспредельщика!

Нечего и сомневаться, Фельдмаршал посчитал зловредную кошачью выходку тщательно спланированной диверсией.

Отношения с начальством были безнадежно испорчены, с работы пришлось уйти, а кота отучить от скверной привычки. Все же он был замечательным!

Социализм наступал по всем фронтам, жизнь менялась с неуловимой быстротой, Лазарев, как и многие его собраты по перу, не вылезал из командировок, дабы успеть запечатлеть капризы советской истории. А оставаться одной в частном доме, да еще по ночам, было страшно: бандитизм в 20-е годы прошлого века процветал. И когда в ночи раздавался жуткий стук в окно, Маруся едва не теряла сознание от ужаса. Превозмогая себя, она подходила и видела... улыбающуюся морду Абзаца, принесшего трофейную мышь. Да-да, он улыбался! И был безмерно горд тем, что может порадовать хозяйку как добытчик, с честью исполняя обязанности единственного мужчины в доме.

И все бы было хорошо, только вот никак не наступало обещанное опытными старшими подругами «стерпится-слюбится». Не стерпелось, не слюбилось. Настал тот день, когда молодая жена, покидав в фанерный чемоданчик свой немудреный гардероб и оставив записку тривиального содержания — «Прости, больше не могу, не ищи меня. Мария», ушла.

Он, конечно же, искал. И даже нашел. И снова были угрозы броситься под трамвай, повеситься, перерезать себе вены, утопиться в Волге.

— А лучше все сразу! — зло пожелала она.

Лазарев не выполнил ни одного из своих обещаний, очень скоро сошелся с какой-то женщиной, боготворившей его за ум и чувство юмора, оставаясь, однако, к ней абсолютно равнодушным. А позже, в самом конце 30-х, бесследно пропал. Поговаривали, что сгинул в сталинских лагерях.

Мария же никогда и никому, даже самой себе, не призналась, что не его она так люто ненавидела — не за что было, а себя — за ту минуту слабости, когда, уступив напору, согласилась стать его женой, за то, что так и не смогла ответить на его чувства. Как часто, бывая жестоки и извергая потоки злобы на других, мы маскируем тем самым недовольство собой!

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru